

© 2022. А. А. Федотова
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Россия

**«Блаженны алчущие и жаждущие правды»:
библейские аллюзии в повести Н. С. Лескова «Юдоль»**

Аннотация: Русский классик второй половины XIX в. Н. С. Лесков на протяжении всего своего творчества активно обращался к текстам Ветхого и Нового Завета, что выразилось в значительном количестве библейских цитат и аллюзий в его произведениях. До сих пор не существует отдельного исследования, посвященного функционированию библейского «текста» в прозе писателя. В рамках предлагаемой работы анализируются заимствования из Ветхого и Нового Завета в одном из последних произведений Лескова крупной формы — повести, или, в авторском определении, «рапсодии» «Юдоль». Новизна исследования определяется тем, что в нем выявляются и интерпретируются ранее не замеченные в литературоведении, использованные писателем цитаты и аллюзии из Псалтыри, пророческих книг Варуха и Исаи, а также Евангелия от Иоанна. В статье доказывается, что библейские аллюзии у Лескова — это не разрозненные фрагменты «чужого» текста, они функционируют в едином смысловом поле произведения и формируют его подтекст, помогают писателю донести до читателя результаты своих нравственных и религиозных поисков.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, Псалтырь, Ветхий Завет, Евангелие, рецепция, цитата, аллюзия.

Информация об авторе: Анна Александровна Федотова, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, д. 108/1, 150000 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

E-mail: gry_anna@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.01.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 09.04.2022

Дата публикации статьи: 25.06.2022

Для цитирования: Федотова А. А. «Блаженны алчущие и жаждущие правды»: библейские аллюзии в повести Н. С. Лескова «Юдоль» // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 134–149. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-134-149>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 134–149. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 134–149. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Anna A. Fedotova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

“Blessed Are Those Who Hunger and Thirst for Truth”: Biblical Allusions in N. S. Leskov’s Novella “The Vale”

Abstract: N. S. Leskov, Russian classic author of the second half of the 19th century, throughout his work actively turned to the Old and New Testaments, which was expressed in a significant number of biblical quotations and allusions in his works. Until now, there is no separate study on the functioning of biblical “text” in the writer’s prose. Within the framework of the proposed work, borrowings from the Old and New Testaments in one of Leskov’s last large-form works, the story, or, in the author’s definition, the “rhapsody” “The Vale,” are analyzed. The novelty of the study is determined by the fact that it identifies and interprets quotes and allusions from the Psalter, the prophetic books of Baruch and Isaiah, as well as the Gospel of John, used by the writer, which were not previously noticed in literary criticism. The article proves that Leskov’s biblical allusions are not disparate fragments of a “foreign” text, they function in a single semantic field of the work and form its subtext, help the writer convey to the reader the results of his moral and religious searches.

Keywords: N. S. Leskov, Psalter, Old Testament, Gospel, reception, quotation, allusion.

Information about the author: Anna A. Fedotova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, st. Republican, 108/1, 150000 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

E-mail: gry_anna@mail.ru

Received: January 17, 2022

Approved after reviewing: April 09, 2022

Published: June 25, 2022

For citation: Fedotova, A. A. “Blessed Are Those Who Hunger and Thirst for Truth”: Biblical Allusions in N. S. Leskov’s Novella “The Vale.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 134–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-134-149>

Среди русских писателей-классиков XIX в. творчество Н. С. Лескова выделяется ориентацией на «чужое» слово. Полемика или диалог с такими авторами, как А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой характеризуют произведения Лескова начиная с ранних его текстов 1860-х гг. и заканчивая поздним творчеством 1880-х — 1890-х гг. С течением времени менялся круг авторов, на рецепцию работ которых был нацелен писатель, однако один из источников заимствований Лескова оставался неизменным — им выступала Библия, в которой автора равно интересовал и Ветхий, и Новый Завет.

За последние тридцать лет, начиная с 1990-х гг., в отечественном литературоведении был предпринят ряд серьезных шагов по изучению библейского контекста произведений писателя. Прежде всего, выделяются работы, в которых на основании религиозной литературы был выявлен и проанализирован особый тип героя-праведника, интерес к которому Лесков проявлял на протяжении всей жизни [Долинина]. Кроме того, существуют исследования, в которых изучаются частные случаи заимствований и отдельные библейские претексты лесковских произведений [Лукашевич; Новикова; Старыгина]. Есть также ряд работ, в которых в широком контексте рассматриваются религиозные взгляды писателя [Лукашевич].

Между тем, вопрос о функционировании библейского текста в творчестве Лескова в целом, безусловно, не является решенным до тех пор, пока не появится отдельного исследования, посвященного системному анализу данного вопроса. Изучение рецепции писателем Библии представляется сегодня особенно актуальным в связи с общей ориентацией современного литературоведения на изучение поэтики классической литературы в аспекте духовно-нравственных поисков писателей (см., например, работы В. Г. Андреевой [Андреева], И. А. Виноградова [Виноградов], М. И. Щербаковой [Щербакова]). Новизна предлагаемой статьи определяется тем, что в ней выявляются не замеченные до этого

в литературоведении отсылки к Ветхому и Новому Завету в фактически не изученной учеными поздней повести Лескова «Юдоль» (1892), дается их анализ в контексте произведения как единого смыслового целого, предлагается новая интерпретация повести на основании выявленного библейского претекста.

Название повести Н. С. Лескова «Юдоль» провоцирует на восприятие ее в библейском контексте. Слово «Юдоль» — архаизм, который в современном Лескову языке имел нейтральный по стилистической окраске синоним — долина. Употребляя устаревшее слово, писатель тем самым отсылает читателя к известному фразеологизму «юдоль плачевная» (в современных вариантах — «юдоль плача», а также «земная юдоль»). Источником этого фразеологизма выступает Псалтырь, а именно 83 псалом, который в православном богослужении входит в молитвословия девятого часа, посвященные крестной смерти Христа.

В оригинальном контексте выражение включено в седьмой стих. Обращаясь ко Господу (Коль възлюбленна селѣнія Твоѣя, Господи силъ (Пс. 83: 2), в синодальном переводе — «Как вожделенны жилища Твои, Господи Сил!» [Библия]), авторы псалма (по мнению исследователей [Лопухин], это сочувствовавшие царю Давиду левиты) заключают: «Блаженъ мужъ, емуже есть заступленіе его у Тебѣ: восхожденія въ сѣрдцы своѣмъ положи, во юдоль плачевную, въ мѣсто еже положи: ибо благословеніе дасть законополагаяй» (Пс. 83: 6–7). В синодальном переводе эта фраза звучит следующим образом: «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением» [Библия].

По толкованию А. П. Лопухина [Лопухин], псалом был написан во время гонений на Давида его сына Авессалома, когда царь был вынужден убежать из Иерусалима. Под «долиной плача» в этом случае понимается место изгнания царя Давида и близких ему людей, а в утверждении псалмопевцев прочитывается упование на то, что даже будучи оторваны от храма (ср. 5 стих, «Блажѣны живущіи въ дому Твоѣмъ: въ вѣки вѣковъ восхвалять Тя» (Пс. 83: 5)) изгнанники не будут лишены блаженства, так как они уповают на Господа.

Между тем, как это вообще свойственно Псалтыри, прямой смысл 83 псалма дополняется и обогащается смыслом переносным. Об этом, в частности, писал, например, Мак Дональд, который считал, что ос-

новой тон псалму задает не столько грусть левитов и царя Давида, не имеющих возможности принять участие в богослужении в Иерусалиме, сколько тоска «благочестивого пилигрима <...> по своей небесной родине» [Библия. Комментарии МакДональда]. Кроме того, толкователь псалма делает акцент и на символике образа дождя в пустыне: «Обычно дождь символизирует Святого Духа, и здесь он <...> дает благословение странствующим в пустыне» [Библия. Комментарии МакДональда].

В переносном смысле фразеологизм «юдоль плачевная» («долина плача») обычно используется и общеупотребительно. Под ним чаще всего понимается «человеческая жизнь» или, точнее, трудности этой жизни, что также совсем не противоречит тексту псалма, ведь, по мнению его авторов, смиряясь и принимая жизнь такой, какая она есть, со словами благодарности Господу, человек принимает Бога в свое сердце и обретает блаженство.

Как мы увидим далее, Лесков в повести актуализирует оба переносных значения фразеологизма. Направляя внимание читателя на библейский контекст повести, Лесков не ограничивается названием, но также ставит цитату из Ветхого завета, включающую слово «юдоль» в качестве эпиграфа. Лесков атрибутирует заимствование, указывая его источник: «Совеца Бог смирится горе и юдолиям исполниться в равень земную» (Варух, V, 7). Характерно, что точная атрибуция цитаты не становится препятствием для ее небольшого искажения, что вообще характерно для индивидуального стиля Лескова. В первоисточнике заимствованный писателем фрагмент звучит следующим образом: «Совѣща бо Бѣгъ смиритися всяцѣй горѣ высѣцѣй и холмомъ вѣчнымъ, и юдѣліямъ наполнитися въ равень земную, да идетъ Израїиль утверженъ славою Бѣжіею» (Вар. 5: 7).

Писатель цитирует фрагмент из последней, пятой главы небольшой по объему книги Варуха, которая была написана для иудеев, оказавшихся в вавилонском плену. Ситуация во многом параллельна описанной в 83 псалме. От лица Иерусалима Варух убеждает иудеев, что при условии покаяния они будут спасены Богом. Последняя глава, процитированная Лесковым, содержит в себе торжественную песнь, в которой автор говорит, какие обетования уготованы Израилю в случае помилования его Богом: «ибо Бог определил, чтобы всякая высокая гора и вечные холмы понизились, а долины напол-

нились, для уравниения земли, чтобы Израиль шел твердо, со славою Божию» (Вар. 5: 7).

Книга Варуха, в отличие от 83 псалма, не относится к широко используемым в церковном богослужении текстам. Целью дать читателю своеобразную загадку, заинтересовать его перед прочтением повести, очевидно, служит и цитирование не в синодальном переводе (сделан в 1876 г.), а на церковно-славянском языке. Показательна в этой связи и замена глагольной формы «наполниться» на «исполниться», которая усложняет восприятие фразы и также затушевывает смысл, связанный с гиперболой «уравнения» гор и низменностей («долин») для облегчения пути народу Израиля.

Архаичные и настойчиво отсылающие к библейскому контексту название и эпиграф, которые активизируют восприятие читателя «Юдоли», стилистически контрастируют с основным повествовательным массивом текста. Последний представляет собой (или во всяком случае подается Лесковым) как «частные заметки о том, что случилось голодную зимою 1840 года в нашей деревеньке и по соседству» [Лесков 9: 219]. Однако содержательно цитаты из Ветхого завета, безусловно, настраивают читателя на изображение ужасов жизни голодающей деревни в Орловской губернии первой половины XIX в.

Повесть отчетливо делится на две части. Первая часть посвящена собственно показу бедственного положения деревни, страдающей от засушливого лета, когда «все посеянное пропало» [Лесков 9: 225]. Лесков повествует о том, как постепенно теряют свой человеческий облик от голода крестьяне. Детально описывает автор такие события, как падение с колокольни деревенского дьячка «Аллилуйя», который «лежал не дыша, с закатившимися под лоб глазами и с окровавленным ртом, из которого торчал синий кусочек закушенного зубами языка» [Лесков 9: 223], и убийство крестьянами шорника для того, чтобы сделать свечу из его сала — по поверью, зажжение такой свечи спасает от «бездожия».

При изображении «юдоли плача» писатель прибегает к градации, обращаясь ко все более эмоционально насыщенным эпизодам. От смерти сельского дьячка и жестокого убийства пьяницы-шорника Лесков переходит к описанию гибели четырехлетней дочери птичницы Аграфены, а затем к сюжету о том, как дети убили соседского мальчика и хотели сжечь его тело в печи.

Образы детей в русской литературе XIX в. (вспомним хотя бы самые известные примеры, «Мальчика у Христа на елке» Ф. М. Достоевского или «Спать хочется» А. П. Чехова, в которой также изображено убийство младенца девочкой) традиционно используются для создания наиболее экспрессивных, воздействующих эмоционально на читателя сцен. С этой целью обращается к ним и Лесков. Убийство оставшимися без присмотра детьми соседского мальчика является своеобразной кульминацией одной из важнейших смысловых линий «Юдоли» — изображения жестокости, свойственной «натуре» русского крестьянина. Голод, по мнению писателя, стал той призмой, которая обнажила, сколь тонка грань, отделяющая человека от того, чтобы совершить преступление, насилие над другим человеком, и как легко переступить эту границу в экстраординарной ситуации, которой для крестьян оказывается практически полное отсутствие пищи.

Изображение гибели четырехлетней Васенки также выделяется на фоне остальных эпизодов первой части «рапсодии». Важность этого фрагмента в общем смысловом массиве текста подчеркивается особенностями его повествовательной организации. Уже в первых главах повести Лесков подчеркивает, что он предлагает читателю свои воспоминания о голодном 1840 г., однако повествовательная форма, им выбранная, не традиционна для «записок». Основная часть рапсодии написана от лица имплицитного недиегитического нарратора (в терминологии В. Шмида), т. е. повествование ведется от третьего лица. Выбор подобной повествовательной формы объясняется тем, что Лесков стремится предельно абстрагироваться от изображаемых им событий и не дает их прямой оценки, что, как известно, вообще является одной из характернейших примет индивидуального стиля писателя.

Единственным эпизодом в первой части повести, в котором Лесков отступает от этого своего принципа, является фрагмент, посвященный смерти Васенки. Имплицитный недиегитический нарратор уступает здесь место наиболее ярко выраженной форме эксплицитного диегитического нарратора — Я-нарратору или в отечественной терминологии рассказчику. Нейтральный стиль повествования при этом меняется на возвышенный: «Это первый случай, “как дух уходил, и никто не видел, куда он идет”, врезался у меня в памяти на всю мою жизнь, и тихая “смерточка” тихой Васенки тогда вдруг показалась мне странным укором, восставшим против самых близких и дорогих мне людей, до

которых сердце мое не желало бы допустить никакой укоризны. Я бросился в угол, где стояли гусиные гнезда, и горько заплакал о Васенке» [Лесков 9: 243].

Процитированный фрагмент показывает, что Я-нарратор здесь принадлежит к типу автобиографического нарратора, который позволяет Лескову совместить две точки зрения — Я-настоящее и Я-прошедшее. Актуализация фигуры нарратора-ребенка (Я-прошедшее) позволяет Лескову передать и «заразить» читателя искренними и неподдельными эмоциями, которые испытывает мальчик-рассказчик при виде смерти малютки. С другой стороны, первое предложение, которое, очевидно, принадлежит Я-нарратору — взрослому человеку, позволяет подвести нарратору итог, обобщить и подчеркнуть, почему этот случай «врезался у него в памяти на всю <...> жизнь» [Лесков 9: 243].

Обращает на себя внимание специфика стилистической организации эпизода. Усложненный синтаксис с инверсиями и повторениями («врезался у меня в памяти на всю мою жизнь», «тихая “смерточка” тихой Васенки») приближает фрагмент к ритмизованной прозе, порой близость доходит до того, что отрывок текста начинает действительно укладываться в стихотворный ритм, в частности, в четырехстопный дактиль («Тихая “смерточка” тихой Васенки», «вдруг показалась мне страшным укором»). Писатель поддерживает возвышенную стилистическую организацию отрывка благодаря высокой лексике (укор, укоризна).

Огранично в текстовый фрагмент, организованный подобный образом, вписывается и неатрибутированная евангельская аллюзия: «дух уходил, и никто не видел, куда он идет». Лесков вольно цитирует известный фрагмент из Евангелия от Иоанна: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3: 8). Редуцируя цитату, Лесков трансформирует и ее смысловое наполнение. В оригинале в диалоге Христа с фарисеем Никодимом, который, в отличие от большинства книжников и фарисеев, с неподдельным интересом отнесся к проповеди Христа, речь идет о том, как человеку достичь духовного возрождения. Дух, а точнее Святой Дух, уподобляется в процитированном фрагменте ветру, тем самым подчеркивается таинственность его действия в человеке.

А у Лескова понятие духа выступает как близкий синоним понятию «души», которая покидает тело человека в момент смерти. Однако

несмотря на смысловую трансформацию остается принципиальный смысловой оттенок, характерный для первоисточника, — указание на тайну действия духа. Лесков даже подчеркивает эту тайну благодаря введению отрицательного местоимения «никто», отсутствующему в претексте: «никто не видел, куда он идет». Тем самым писатель смягчает и возвышает изображение смерти девочки, что, впрочем, не снимает общее ощущение несправедливости и ненормальности гибели ребенка.

Описание ужасов голодного года в первой части повести сменяет во второй части «Юдоли» характеристика жизни персонажа, который, безусловно, претендует на статус главной героини «рапсодии» — «тетушки Пелагеи» или «тети Полли». Тетя Полли относится к типу поздних лесковских героинь, которых обычно именуют «праведницами». Наряду с ней к этому типу относятся также Клавдинька из «Полунощников», Лидия из «Зимнего дня» или, например, учительница из «Заячьего ремиза». В литературоведении доказано, что образы подобного типа были созданы Лесковым под непосредственным влиянием толстовской проповеди, однако сам писатель неизменно подчеркивал, что генетически эти героини восходят к христианскому учению.

Главный признак таких героинь — стремление к служению людям, которое обычно проявляется в социально значимых поступках. Например, относительно тети Полли Лесков замечает: «В голодный год она заблажила тем, что не продала ни пуда муки, а все искормила на детских мужиков, над которыми она была опекуншей, и завела такое баловство, что все мужики и бабы приводили с собою к ней на двор своих детей и все у нее наедались» [Лесков 9: 279]. Писатель создает несколько идеализированный образ Пелагеи Дмитриевны и дает прямую оценку ее характеру в близкой афоризму фразе: «Суда она не боялась, потому что держала в своей совести суд над собою» [Лесков 9: 279].

Основанием для деятельного добра, которое становится призванием героини, как и в других поздних произведениях Лескова о праведницах, выступает прочтение Библии. Писатель подчеркивает: «окончив чтение Библии», тетя Полли начала свой путь служения ближним, говоря, что «в такой вере только и находит силу жить и трудиться для того, чтобы равнять путь лучшему, которое идет и непременно придет — когда «горы и юдоли сравниваются и лев ляжет с ягненком и не завредит ему» [Лесков 9: 288].

Этими словами героини Лесков, по всей видимости, отсылает читателей к эпиграфу повести из пророческой Книги Варуха. Теперь Лесков вольно цитирует Библию на русском языке, а лексема «юдоль» выступает главным маркером заимствования. Однако Лесков контаминирует фрагмент из книги Варуха с известным фрагментом из книги Исайи: в синодальном переводе «тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком: и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11: 6) [Библия]. А 40 глава книги Исайи содержит в себе фрагмент, фактически дословно совпадающий с цитируемым Лесковым в эпиграфе фрагментом из книги Варуха: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими» (Ис. 40: 3–4) [Библия].

Благодаря объединению в одну цитату малоизвестного фрагмента из книги Варуха с достаточно часто цитируемым текстом из книги Исайи Лесков подчеркивает их общность. В обоих текстах речь идет о пророчестве о наступлении так называемого «золотого века в царстве Мессии», когда, как пишет епископ Виссарион (Нечаев) «между людьми водворятся мирные отношения, а в христианском обществе уже не будут попадаться люди с зверскими свойствами, когда все сделаются кроткими и доброжелательными друг другу» [Виссарион (Нечаев), епископ].

Библейские слова выглядят резким контрастом на фоне описанных в первой части повести событий. Но они нужны Лескову не только для того, чтобы с помощью антитезы противопоставить праведницу т. Полли другим героям. Лескову важнее подчеркнуть идею о том, что каждый человек — а в повести именно тетя Полли — должен не просто ждать, когда Царство Божие придет «в силе», а может предпринять конкретные шаги для его приближения, ведь, если вспомнить известное высказывание Христа, «Царство Божие внутри Вас есть» (Лк. 17: 21). Не случайны в этом контексте и слова героини «равнять путь лучшему», которые, очевидно, соотносятся со словами из той же книги пророка Исайи: «Глас вопиющего в пустыне: Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему» (Ис. 40: 3), непосредственно выражающим идею о необходимости творческого сотрудничества Бога и человека в деле спасения.

Показательно, что чуть позднее по тексту второй части повести в словах тети Полли вновь звучит отсылка к названию, теперь уже в контексте 83 псалма. Объединяющим первую и вторую части произведения выступает эпизод с убийством крестьянами шорника и изготовлением свечи из его сала. Бесстрастный нарратор не дал в первой части «рапсодии» какой-либо оценки этому событию, теперь Лесков дает право оценить его тете Полли: «Когда был кончен рассказ о свече и о всем том, что записано выше в этих воспоминаниях, тетя Полли вздохнула и сказала: “Да! ... здесь юдоль плача... голод ума, голод сердца и голод души”» [Лесков 9: 294]. Важно отметить, что в этих словах Лесков объединяет библейскую цитату с высказыванием Л. Н. Толстого. Летом 1891 г., также в разгар голодного года, Лесков обратился к Толстому с письмом (подробнее см.: [Федотова]), в котором просил совета. Он спрашивал о том, что ему как писателю необходимо прежде всего делать, чтобы помочь голодающим крестьянам [Лесков 11: 491].

В письме от 4 июля 1891 г. Толстой обстоятельно расписывает Лескову причины, по которым, по его мнению, начался голод, а также подчеркивает, что «против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел <...> А покуда этого не будет — голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души» [Толстой: 11–12]. Показательно, что при цитировании Лесков вновь трансформирует исходный текст. Сохраняя выразительное по синтаксису и основанное на анафоре построение толстовской фразы, Лесков убирает из него фрагмент «голод тела», хотя он, вроде бы, как нельзя лучше соответствует содержанию «Юдоли», и заменяет его на выражение «голод сердца».

Это изменение принципиально. Во-первых, оно внутренне polemично письму Толстого. Несогласие Лескова с рядом положений Толстого, кстати, отразилось в ответном письме, в котором Лесков подчеркивал, что ему «мучительно жаль» голодающих [Лесков 11: 493–494]. Рационализму Толстого Лесков противопоставляет эмоциональное начало, голос «сердца». Во-вторых, трансформируя толстовскую цитату, Лесков по смыслу приближает ее к столь важному для понимания авторского замысла библейскому контексту «рапсодии». Писатель переносит акцент на голод «внутреннего», а не «внешнего» человека, что является, как уже было сказано выше, одним из мотивов как 83 псалма («Истомилась душа моя, желая во дворы Господни, сердце мое и плоть

моя восторгаются к Богу живому»), так и Библии в целом, и получает одно из наиболее емких выражений в третьей заповеди Блаженств, сформулированной Христом в Нагорной проповеди: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф. 5: 6).

Принципиальный для Лескова в «Юдоли» мотив голода и тоски человеческой души по Богу своей кульминации достигает в эпизоде молитвы тети Полли и ее подруги квакерши Гильдегарды: «Они пели “cantique” на текст “Приходящего ко мне не изгоню вон” (Иоанна VI, 37), и слова их песни перед звездами (в русском переводе) были таковы:

Таков как есть, — во имя крови,
За нас пролитой на кресте,
За верой, зреньем и прощеньем,
Христос, я прихожу к тебе.

Я был поражен и тихой гармонией этих стройных звуков, так неожиданно наполнивших дом наш, а простой смысл дружественных слов песни пленил мое понимание. Я почувствовал необыкновенно полную радость оттого, что всякий человек сейчас же, «таков как есть», может вступить в настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства. И мне казалось, что как будто, когда они тронулись к нему «за верой, зреньем и прощеньем», и он тоже шел к ним навстречу, он подавал им то, что делает иго его благим и бремя его легким...» [Лесков 9: 297–298].

В этом фрагменте, который по своему эмоциональному накалу выделяется на фоне всей повести и является, безусловно, одним из ее ключевых эпизодов, сосредоточены наиболее важные для понимания характера религиозности Лескова темы и идеи. Прежде всего, мысли о том, что каждый человек, в каком бы состоянии он не находился, любим и принимаем Богом («Таков, как есть»), и о том, что сущность религии заключается в единстве движения Бога и человека друг к другу («Когда они тронулись к нему <...> и он тоже шел к ним навстречу»).

Однако роль евангельской цитаты, принципиальность которой Лесков подчеркивает ее точной атрибуцией, на этом не ограничивается. В общем контексте повести и ключевого для нее мотива голода особую важность приобретает тот факт, что в шестой главе Евангелия от Иоанна, откуда взята цитата, описывается эпизод с чудом насыщения

пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбками. В разговоре с людьми, последовавшим сразу за чудом, Христос, между тем, предупреждает их, что не стоит чересчур заострять внимание на утолении им телесного голода людей: «Вы ищете меня <...> потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст Вам Сын Человеческий (Ин. 6: 26–27). Продолжая свою мысль, Христос говорит и более прямо: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда <...> и приходящего ко мне не изгоню вон» (Ин. 6: 35–37).

Строки Евангелия от Иоанна окончательно проясняют, в каком смысле необходимо понимать ключевые для повести слова Лескова о том, что такое «голод ума, голод сердца и голод души». Писатель прямо отсылает читателя к тому фрагменту Нового Завета, в котором высказана мысль о том, что только в единстве с Христом возможно преодоление этого голода. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) в своей книге о Божественной литургии подчеркивает: «Человек духовен, он своими глубинами приобщен Богу, он живет не одним хлебом, но и словом Божиим, творческим словом, которое его вызвало из небытия в бытие, словами жизни, прощения, которое его содержит и животворит, и, наконец, словом воскрешающим, которым мы облечемся телесностью для вечной жизни» [Антоний Сурожский (Блум)]. А путь к искомому единству — как показывает Лесков на примере образа тети Полли — это прежде всего путь служения своему ближнему. Общий контекст повести и ее первая часть в особенности демонстрируют: если у человека отсутствует нравственный христианский идеал, то он может при внешне неблагоприятных обстоятельствах (голодный год) легко превратиться в животное, готовое пойти на убийство. Эта идея всегда была близка Лескову и отразилась, например, в его раннем очерке «Леди Макбет Мценского уезда».

Библейские цитаты и аллюзии пронизывают собой текст «рапсодии» Лескова «Юдоль». Обращением к словам Ветхого и Нового Завета характеризуются наиболее семантически емкие фрагменты произведения — название, эпиграф, эмоциональные кульминации первой и второй части повести. Библейский интертекст у Лескова — не разрозненные фрагменты, а единое смысловое целое, в котором каждая цитата дополняет и проясняет другую, а вместе они формируют под-

текст произведения, придают ему серьезную смысловую глубину и насыщенность. Цитаты из 83 псалма, пророческих книг Варуха и Исайи, наконец, Евангелия от Иоанна превращают цепочку «отрывистых» воспоминаний писателя об ужасах голодного 1840 г. в рассказ о голоде человеческой души, жаждущей Бога, и о том, как этот голод преодолеть. Как точно заключает комментатор к 83 псалму: «Как дождь является благословением Божиим для сухой долины, так для человеческой жизни благословением является Божия благодать» [Псалтирь. Комментарий Новой Женевской Библии]. И как возвышенно заканчивает свою повесть Лесков: «Я ощущал *голод* ума, и мне были милы те звуки, которые я слышал, когда тетя и Гильдегарда пели, глядя на звездное небо, давшее им “зрение”, при котором можно все простить и все в себе и в других успокоить» [Лесков 9: 311].

Список литературы

Источники

Антоний Сурожский (Блум), митрополит. О литургии. Беседа 1. URL: <https://antsur.ru/ru/o-liturgii-beseda-1-18-oktyabrya-1966-g/> (дата обращения: 04.05.2022).

Библия. Комментарии МакДональда. URL: <https://bible.by/mcdonald/19/83/> (дата обращения: 04.05.2022).

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/> (дата обращения: 04.05.2022).

Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 9. 652 с.

Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 11. 862 с.

Псалтырь. Комментарий Новой Женевской Библии. URL: <https://bible.by/parallel/syn/geneva-bible/19/83/> (дата обращения: 04.05.2022).

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 66. 527 с.

Исследования

Андреева В. Г. Н. В. Гоголь и Л. Н. Толстой: преемственность эпической традиции // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 118–165. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-118-165>

Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.

Виноградов И. А. «Три эпохи» создания статьи Н. В. Гоголя о русской поэзии. К 175-летию «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Два века русской классики. 2022. № 1. С. 6–57.

Виссарион (Нечаев), епископ. Толкование на паремии из книги Бытия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vissarion_Nechaev/tolkovanie-na-paremi-iz-knigi-bytija/3 (дата обращения: 04.05.2022).

Долинина И. В. Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н. С. Лескова // *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. Т. 1. № 1. С. 67–73.

Лопухин А. П. Толковая Библия. Толкование на Псалтырь. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/83 (дата обращения: 04.05.2022).

Лукашевич М. Библия в художественном мире рассказа Н. С. Лескова «Однодум» // *Проблемы исторической поэтики*. 2012. Т. 10. С. 259–266.

Лукашевич М. Христианские ценности и предубеждения в повести Николая Лескова «Полунощники» // *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury* (Karamzin, Leskov, Měrežkovskij, Babel). Brno, Masarykova univerzita, 2017. S. 77–87.

Лукашевич М. «Я не враг церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Н. Лескова. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

Новикова А. А. Мифопоэтический образ жар-птицы в христианском контексте повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // *Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения)*. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 88–99.

Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // *Проблемы исторической поэтики*. 2020. Т. 18. С. 238–259.

Федотова А. А. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. 2016. Т. 22. № 5. С. 135–140.

Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. 342 с.

Щербакова М. И. «Евангельская история»: широкий замысел свт. Феофана (Говорова) и пути его воплощения // *Два века русской классики*. 2022. № 1. С. 228–241.

References

Andreeva, V. G. “N. V. Gogol’ i L. N. Tolstoi: preemstvennost’ epicheskoj traditsii” [“N. V. Gogol and L. N. Tolstoy: the Continuity of the Epic Tradition”]. *Dva veka russkoj klassiki*, no. 1, 2022, pp. 118–165. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-118-165> (In Russ.)

Andreeva, V. G. *O natsional’nom svoeobrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [On the National Identity of Russian Novel in the Second Half of the 19th Century]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016. 492 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Tri epokhi’ sozdaniia stat’i N. V. Gogolia o russkoj poezii. K 175-letiiu ‘Vybrannykh mest iz perepiski s družiami.’” [“Three Epochs’ of the Creation of Nikolai Gogol’s Article on Russian Poetry. To the 175th Anniversary of ‘Selected Passages from Correspondence with Friends.’”]. *Dva veka russkoj klassiki*, no. 1, 2022, pp. 6–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-6-57> (In Russ.)

Vissarion (Nechaev), episkop. *Tolkovanie na paremii iz knigi Bytiia* [Interpretation on the Paremia from the Book of Genesis]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vissarion_Nechaev/tolkovanie-na-paremii-iz-knigi-bytija/3 (Accessed 04 May 2022) (In Russ.)

Dolinina, I. V. “Kontseptualizatsiia poniatiia ‘pravednik’ kak printsip sozdaniia odnoimennogo tsikla v tvorchestve N. S. Leskova” [“Conceptualization of the Concept of ‘Righteous Man’ as the Principle of Creating the Cycle of the Same Name in the Works of N. S. Leskov”]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 1, 2010, pp. 67–73. (In Russ.)

Lopukhin, A. P. *Tolkovaia Bibliia. Tolkovanie na Psaltir’* [A Sensible Bible. Interpretation of the Psalter]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/83 (Accessed: 4 May 2022) (In Russ.)

Lukashevich, M. “Bibliia v khudozhestvennom mire rasskaza N. S. Leskova ‘Odnodum.’” [“The Bible in the Artistic World of N. S. Leskov’s Short Story ‘The One-Track Minded.’”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 10, 2012, pp. 259–266. (In Russ.)

Lukashevich, M. “Khristianskie tsennosti i predubezhdeniia v povesti Nikolaiia Leskova ‘Polunoschniki.’” [“Christian Values and Prejudices in Nikolai Leskov’s Novella ‘The Midnighters.’”]. *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel)*. Brno, Masarykova univerzita Publ., 2017, pp. 77–87. (In Russ.)

Lukashevich, M. “Ya ne vrag cerkvi, a ee drug... i uverennyi pravoslavnyi.” *Tserkovnaya problematika v publitsistike N. Leskova* [“I Am not an Enemy of the Church, but its Friend... and a Confident Orthodox.” *Church Issues in N. Leskov’s Journalism*]. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2019. 542 p. (In Russ.)

Novikova, A. A. “Mifopoeticheskii obraz zhar-ptitsy v khristianskom kontekste povesti N. S. Leskova ‘Zaiachii remiz.’” [“The Mythopoetic Image of the Firebird in the Christian Context of N. S. Leskov’s Novel ‘The Hare Remise.’”] *N. S. Leskov v prostranstve sovremennoi filologicheskoi mysli (k 175-letiiu so dnia rozhdeniia)* [N. S. Leskov in the Space of Modern Philological Thought (to the 175th Anniversary of his Birth)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 88–99. (In Russ.)

Psaltir’. Kommentarii Novoi Zhenevskoi Biblii [Psalter. Commentary on the New Geneva Bible]. Available at: <https://bible.by/parallel/syn/geneva-bible/19/83/> (Accessed 04 May 2022) (In Russ.)

Starygina, N. N. “Khristianskaia semantika rasskaza ‘Khristos v gostyakh u muzhika’ N. S. Leskova [“Christian Semantics of the Story ‘Christ Visiting a Peasant’ by N. S. Leskov”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 18, 2020, pp. 238–259. (In Russ.)

Fedotova, A. A. “L. N. Tolstoi i N. S. Leskov v polemike vokrug ‘strashnogo voprosa’ 1891 goda” [“L. N. Tolstoy and N. S. Leskov in the Controversy Around the ‘Terrible Issue’ of 1891”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, no. 22, 2016, pp. 135–140. (In Russ.)

Fedotova, A. A. “Trudnyi rost”: retseptsiiia v proze N. S. Leskova [“Difficult Growth”: Reception in N. S. Leskov’s Prose]. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2018. 342 p. (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. “Evangel’skaia istoriya: shirokii zamysel svt. Feofana (Govorova) i puti ego voploshcheniia” [“Gospel Story: The Broad Intention of St. Theophan (Govorov) and Ways of Its Implementation”]. *Dva veka russkoi klassiki*, no. 1, 2022, pp. 6–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-228-241> (In Russ.)